

Подібної думки дотримується і Дж. Коллінз. Він зазначає, що в Біблії слово „віра” вживається в одному із двох значень. По-перше, „християнська віра – це сподівання на Бога, що формується із переконання в його надійності” [14, 55]. По-друге, віра „має збірне значення, вона охоплює низку істин, в які вірять християни” [14, 59]. І. Пакер зазначає, що біблійне розуміння зводиться до того, що людство живе вірою, але уявлення щодо її сутності змінюється у міру того, як розкривається одкровення благодаті та істини [18, 234].

Приведений аналіз свідчить про складність становлення пізнавальної діяльності у християнстві.

Література

1. Бальфур А. Д. Основание веры. Философское введение к изучению богословия. – М.: Изд-во Бонч-Бруевича, 1900. – 302 с.
2. Бачинин В. А. Религиозная философия // Малая христианская энциклопедия: В 4 т. – СПб.: Шандал, 2003. – Т. 1. – 360 с.
3. Библиейская энциклопедия: Репр. воспр. изд. – М.: „Терра”, 1991. – 904 с.
4. Борунков Ю. Ф. Структура религиозного сознания. – М.: Мысль, 1971. – 176 с.
5. Канигін Ю., Кушерець В. Біблія і сучасна наука – К.: Знання України, 2005. – 226 с.
6. Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения / Сост. и вступ. ст. С. С. Хорунжего. – М.: Ренессанс, 1992. – 325 с.
7. Климент Александрийский. Строматы. – Ярославль: Тип. Губ. земск. управл., 1882. – 943 с.
8. Мифы древней Греции. – К.: Муза, 1993. – 350 с.
9. Мінаков М. А. Вчення Канта про віру розуму. – К.: Центр практичної філософії, 2001. – 140 с.
10. Павленко П. Ю. Платон і Християнство. – Біла Церква: Мустанг, 2001. – 241 с.
11. Савва, схиигумен. Опыт построения истинного мирозерцания. Жизнеописание. Проповеди. Поучения. Воспоминания духовных чад. – Полтава: Жизнеописание Спасо-Преображенского монастыря Полтавской епархии, 2001. – 927 с.
12. Силуан Афонский. О двух образах познания мира // О вере и науке. – М.: Изд. Московской патриархии, „Центр Благо”, 1998. – С. 22 – 29.
13. Форчун Д. Тайное без вымыслов / Пер с англ. Элфас Леви. – М.: Reffbook, 1994. – 384 с.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПТОВ

Еволюція філософських концептів розглядається в контексті ідей їх онтологічної відносності та існування еволюційних рядів філософських концептів. Обґрунтовуються уявлення про ядерні елементи концептів, про специфічну смислову множинність термінологічного апарату.

В настоящее время концепт можно отнести к ряду когнитивных элементов, привлекающих значительное внимание исследователей. Свообразным „переломом” в отношении к концепту, оценке его роли в философских исследованиях, без сомнения, можно считать работу Ж. Делеза и Ф. Гваттари „Что такое философия?”. Что же касается современных исследований, то среди наиболее интересных публикаций последнего времени, посвященных концепту, можно отметить, к примеру, монографию С. И. Масаловой [5], рассматривающей концепт как „многоуровневое образование”, „форму прототипической категоризации и ее результат”, „регулятив гибкой рациональности” (представление о „гибкой рациональности”, как известно, впервые было введено российским философом В. Н. Порусом, интерпретирующим разработки Ст. Тулмина в области философии науки и решения проблемы рациональности).

Более подробные размышления автора о природе концепта представлены в публикациях [1], [2].

Целью данной работы является фиксирование идей, в контексте которых возможно исследование проблемы эволюции философских концептов.

О субъективной относительности концептов

Субъективную относительность концептов можно рассматривать в качестве одной из идей, в контексте которых целесообразно проведение изучения эволюции философских концептов.

Любой концепт, как это неоднократно отмечалось ([1], [2]), плоть от плоти концептотворящего, философствующего субъекта, его нельзя логически вывести из других рассуждений. Концепт появляется как результат чистого философского творчества, как итог философских интуиций Автора и объединяет в единое целое множество глубоко субъективных смыслов, еще не подверженных специальным процедурам редукции. Потому концепт глубоко *субъектен* и всегда относителен.

И, тем не менее, концепт предполагает существование абсолютной составляющей, которую можно обозначить как *ядерный элемент концепта*.

Ядерный элемент – это по сути *ТО*, ради чего формируется концепт. К примеру, в роли ядерных элементов могут выступать *ХАОС, ВОЛЯ, ВРЕМЯ, СМЫСЛ, СОБЫТИЕ*. Ядерный элемент концепта идентичен с точки зрения своего имени *понятию* или *категории*: допустимо, к примеру, *СОБЫТИЕ* рассматривать как *понятие, категорию* или *ядерный элемент концепта*. И если понятие имеет строго определенное значение, фиксирующее конкретный смысл, то для *ядерного элемента концепта* характерно существование открытого множества обнаруживаемых смыслов, некоторые из которых могут быть зафиксированы с помощью специальных процедур означения. Иначе – в каждом конкретном концепте ядерный элемент проявляет множество смыслов, потенциально являющихся объектами для последующих *процедур смыслозакрепления* [4]. Эти процедуры могут быть осуществлены в последующих теоретических построениях (следует отметить, что *теория* понимается в данном тексте как некое упорядоченное множество полностью интерпретированных предложений).

Очевидно, что концепты могут содержать не один, а два, три или даже более ядерных элементов. К примеру, если рассмотреть концепт *КОНЦЕПТА*, развиваемый Ж.Делезом и Ф.Гваттари, то к числу ядерных элементов этого концепта можно отнести *хаос, событие, смысл*. Выделение ядерных элементов является результатом уже последующей рефлексии по отношению к соответствующему концепту и эта рефлексия, в свою очередь, тоже имеет субъектный характер. В зависимости от того, *КТО* осуществляет рефлексия по поводу того или иного концепта, возможно обнаружение различных ядерных элементов.

Концепты, содержащие один и тот же ядерный элемент, но созданные различными авторами, безусловно, различны и в этом смысле можно говорить об их *субъектной относительности*.

У идеи *субъектной относительности концепта* в истории философии можно обнаружить интересный прообраз в виде размышлений об *онтологической относительности*, предпринятых американским философом, логиком – В.Куайном.

Согласно Куайну, онтология дважды относительна. Во-первых, она относительна той теории, интерпретацией которой она является (интерпретировать теорию значит приписывать значения ее связанным переменным). Во-вторых, она относительна некоторой предпосылочной теории, в роли которой обычно выступает некоторая „домашняя” *система представлений* (интересная точка зрения по поводу онтологической относительности, исследуемой В.Куайном, представлена в работе российского философа А.А.Печенкина [6]).

Куайн рассуждал о неопределенности перевода текста даже на родной язык. С его точки зрения, каждый человек имеет свой язык, который „неоднозначно” переводится на язык другого человека. Размышления о неопределенности перевода привели Куайна к необходимости введения представлений о *предпосылочном языке*: „мы нуждаемся в предпосылочном языке, чтобы осуществлять к нему регресс” [6, 54]. Наличие *предпосылочного языка* является для Куайна основанием к формулированию релятивистского тезиса: „нет смысла говорить о том, что представляют собой объекты теории сами по себе, за пределами обсуждения вопроса о том, каким образом интерпретировать или переинтерпретировать одну теорию в другую” [6, 55]. У Куайна появляются представления о двойной *онтологической относительности*. Относительность, связанная с наличием *предпосылочной теории* оказывается относительностью первой. Вторая относительность возникает на этапе выбора того, каким способом осуществляется трансляция одной теории в другую: „определение универсума теории оказывается осмысленным лишь относительно некоторой предпосылочной теории и лишь относительно некоторого выбора способа перевода одной теории в другую” [6, 58].

Куайновские идеи по поводу *предпосылочной* или *домашней* теории, а также *двойной онтологической относительности* могут быть следующим образом переинтерпретированы в контексте развиваемых нами представлений о *смысле* и *смыслооперационных практиках* [4].

Каждый философ в ходе своей философской деятельности оперирует терминами, являющимися ядерными для различных концептов. Некоторые из этих терминов входят в те или иные теоретические системы и имеют достаточно четко зафиксированное смысловое наполнение, смыслы же других – более размыты. В результате смысловое множество терминологического аппарата любого философа достаточно специфично. Эта специфика и зафиксирована куайновским термином *предпосылочная теория* (хотя термин *теория* в этом контексте, скорее всего, не следует понимать буквально). От представлений о предпосылочной теории целесообразнее перейти к представлениям о специфическом *смысловом множестве терминологического аппарата*, которым пользуется философ.

Оправданность введения нового термина обусловлена необходимостью подчеркнуть, что представления о специфическом *смысловом множестве терминологического аппарата* вводятся именно для *концептов*, а не для *теорий*.

Различие *смысловых множеств терминологического аппарата* приводит к ситуации многозначности (или иначе – повышению смыслового многообразия) в процессе использования фрагментов одного авторского концепта в другом.

Введенное Куайном представление о *двойной относительности* теорий может быть достаточно эффективно использовано и в размышлениях об относительности философских концептов. Интересно отметить, что изучение *второй относительности*, связанной с выбором способов трансляции одного концепта в другой, открывает широкие перспективы исследования когнитивных возможностей работы с концептами (размышления автора по этому поводу представлены в готовящейся к публикации монографии).

От эволюционных рядов к эволюции философских концептов

Продолжая размышления об эволюции концептов необходимо более четко зафиксировать тот факт, что сам термин *концепт* может быть использован, по крайней мере, в двух смыслах.

Во-первых, под концептом может подразумеваться *результат* определенного типа *философской деятельности* по проявлению (отчасти – прояснению) множества смыслов, соответствующих ядерным элементам концепта. В таком понимании *концепт* становится близок *философской теории, философской системе, философскому подходу*.

Во-вторых, *концептом* может быть сокращенно назван непосредственно *ядерный элемент концепта*. В таком контексте *концепт* становится близок *понятию, категории*.

Соответственно, об эволюции концептов можно также говорить в двух смыслах: как об эволюции авторского концепта, которая, безусловно, имеет место на протяжении творческой жизни философа, так и об *эволюции ядерного элемента концепта*. Именно второй смысл *эволюции концепта* дальше и будет подразумеваться и рассматриваться.

Эволюция концептов может быть понята в результате отслеживания особенностей их исторического развития. Каждый философский концепт существует, с одной стороны, в рамках той или иной философской системы, в контексте которой он осмысливается, с другой – свободно переходит в другие системы.

Сложность исследования истории эволюции концептов заключается в том, что в каждой конкретной философской системе концепты фиксируются с помощью различных *смысловых множеств* терминологического аппарата, используемых теми или иными авторами. В итоге, один и тот же концепт представлен с помощью достаточно различных терминологических средств и проявляет существенно отличающиеся смыслы. Естественно, в такой ситуации возникает вопрос: каким способом можно отслеживать эволюцию концепта?

В поисках ответа целесообразно обратиться к идее существования *эволюционных рядов*, восходящей к работам Эдварда Тайлора (1832-1917), который, как и другие представители эволюционной школы, считал, что все явления культуры распределяются по видам и эволюция совершается внутри

этих видов. К примеру, боевой топор какой-либо эпохи является результатом топора предшествующей эпохи и основой топора последующей эпохи. Начиная с исследований Э.Тайлора „систематизация по рядам” стала обязательным моментом в истории материальной культуры. Вскоре этот подход расширился и был перенесен на исследования в области духовной культуры. Результаты подобных исследований находили свое отражение в публикациях, представленных, к примеру, в очень популярном в Германии журнале „Слова и вещи”, основанном в 1909 г. Ф.Мерингом. Журнал просуществовал до 1944 г., его традиции были возобновлены в издании „Слова и вещи в свете исследования способов обозначения” [7, 605].

Важно подчеркнуть, что сам Тайлор размышлял не только о материальных вещах, но и о духовных явлениях. Как отмечает Ю.С.Степанов: „топор как вещь предполагает топор как концепт, концепт топора, ... сам Тайлор говорит о „модели”” [7, 604]. Следовательно, в более широком смысле можно говорить об *эволюционных рядах концептов* (соблюдение строгости изложения требует отметить, что соотнесение смыслового содержания, соответствующего термину *концепт* в трактовке Ю.С.Степанова и нашей трактовке требует специальной проясняющей работы).

И, тем не менее, можно согласиться с выводами Ю.С.Степанова и допустить идею существования *эволюционных рядов философских концептов* и предположить, что принцип эволюционного ряда является значимым для упорядочивания материала по изучению эволюции концептов. Естественно, речь идет не о буквальном переносе идеи существования эволюционных рядов, а об определенном учете существующих культурологических наработок. Так, в частности, интерес представляет еще одно замечание Ю.С. Степанова: „В меньшей степени Тайлор обращал внимание на взаимоотношения эволюционных рядов друг с другом. Позднейшая критика нашла, что в этой методике самым неудачным было признание эволюционных рядов независимыми друг от друга. В современном семиотическом подходе к культуре восполняется именно этот недостаток концепции Тайлора. Ряды образуют семантические, точнее – семиотические *цепи*, а между соответствующими одновременными, синхронными звеньями различных эволюционных рядов в свою очередь устанавливаются отношения сходства, образующие „*парадигмы*”, или *стили* данной эпохи” [7, 604-605]. Приведенная цитата наталкивает на мысль о целесообразности обсуждения двух моментов. Во-первых, эволюционные ряды, соответствующие различным концептам, безусловно, должны коррелировать друг с другом. Можно даже предположить, что эти корреляции осуществляются через существование *одинаково именуемых ядерных элементов*, входящих в качестве составных элементов в те или иные концепты. Во-вторых, синхроничные срезы различных

эволюционных рядов для философских концептов позволяют сформировать совершенно специфические исследовательские поля, в которых появляется возможность обнаружения новых смыслов, благодаря соотношению смысловых полей для одинаково именуемых ядерных элементов, входящих в состав различных эволюционных рядов.

Существует еще один момент в рассуждениях Ю.С.Степанова об эволюционных семиотических рядах, на который следует обратить внимание. Ю.С. Степанов отмечает, что „в сфере культуры замещение одного предмета другим и перенос на второй облика первого – это явление того же порядка, что и перенос имени с одного предмета на другой; а в более частном и специальном случае, образование нового слова на основе прежнего (снег – подснежник), – это явление того же порядка, что включение прежнего предмета в состав более сложного (карета 1820-х гг. – железнодорожный вагон 1825 г. – железнодорожный вагон 1850 г. – купе вагона 1900 г.)” [7, 608]. Схожие явления можно легко обнаружить и при отслеживании эволюции философских концептов. К примеру, если рассматривать концепт *СМЫСЛА*, развиваемый Г.Фреге и концепт *СМЫСЛА* в толковании В.В.Налимова. Название концепта зафиксировано одним и тем же термином, однако смысловое наполнение принципиально различно. При неизменности имени концепта, в те или иные исторические периоды происходит существенное, принципиальное изменение смыслов (смысловых полей, соответствующих этому концепту). В связи с этим и становится целесообразным введение для каждого философского концепта представлений о локальном пространстве смыслов, непрерывно изменяющемся, формирующем новые мерности (более подробно размышления о локальном смысловом пространстве представлены в публикации [3]).

У идеи существования *эволюционных рядов философских концептов* есть еще одна очень близкая идея, формировавшаяся в недрах неопозитивизма. Речь идет о *языковых каркасах*, предложенных Р.Карнапом в ходе исследования многоступенчатого исчисления предикатов [6, 26]. *Языковые каркасы* предполагают ступенчатую, „слоистую” концепцию существования. Надстраиваясь один над другим, эти „каркасы” позволяют выразить возможность существования объектов все более высоких уровней [6, 27]. Карнап размышлял, к примеру, об *иерархии языковых каркасов*, очерченных последовательно теориями *натуральных чисел*, *рациональных чисел*, *действительных чисел*. Естественно возникает вопрос: что общего между *языковым каркасом* и *эволюционным рядом философского концепта*?

Если зафиксировать *ЧИСЛО*, как философский концепт, то теории натуральных, рациональных, действительных чисел можно рассматривать как разные элементы эволюционного ряда соответствующего концепта. В каком-

то смысле эти теории надстраиваются одна над другой. Однако при этом нет основания считать одну теорию более развитой по отношению к предыдущей. Все отмеченные теории фиксируют разные аспекты в понимании числа, соответственно, разные смыслы этого концепта.

Из сказанного легко сделать следующий важный вывод: отдельные элементы эволюционного ряда философского концепта достаточно независимы; из этих элементов можно составлять совершенно произвольные выборки, формируя тем самым различные эволюционные цепи. Целью составления подобных цепей является возможность совместного рассмотрения элементов эволюционного ряда для обнаружения новых смыслов.

В результате рассмотрения идей, в контексте которых целесообразно размышлять об эволюции концептов, можно сформулировать следующие выводы.

1. При исследовании эволюции философских концептов необходимо учитывать их двойную относительность, связанную, с одной стороны, с авторскими (субъектными) особенностями смыслового развертывания того или иного концепта, с другой – со способами перевода одного авторского концепта в другой.

2. Введением представлений об *эволюционных рядах философских концептов* фиксируется точка зрения, согласно которой философия рассматривается как практика оперирования концептами, практика, в результате которой имеет место обнаружение новых смыслов, соответствующих концептам. Один и тот же философский концепт, исторически развиваясь благодаря усилиям различных философов, формирует *эволюционный ряд философского концепта*.

3. Элементами эволюционного ряда философского концепта являются различные авторские философские концепции, включающие в качестве одного из ядерных элементов соответствующий концепт.

4. Эволюционные ряды философских концептов достаточно произвольно формируемые образования, последовательность элементов в соответствующих рядах жестко не закреплена.

5. Аналогично тому, как для исследования отдельных авторских философских концепций целесообразно введение *локального пространства смыслов*, по отношению к эволюционному ряду философского концепта есть основание ввести представление о *пространстве смыслов философского концепта*.

5. Эволюционные ряды различных философских концептов взаимодействуют между собой, это взаимодействие может исследоваться с помощью *одинаково именуемых ядерных элементов*, входящих в различные ряды.

6. Одной из важнейших особенностей *эволюционных рядов философских концептов* является их пластичность, проявляющаяся в возможности формирования на их основе различных *эволюционных цепей концепта*, объединяющих в качестве элементов фрагменты философских концепций, возникновение которых относится к совершенно разным моментам исторического времени (к примеру, в одну и ту же эволюционную цепь концепта *СОЗНАНИЕ* могут быть отнесены размышления о сознании К.Г.Гемпеля, Л.Витгенштейна, Г.Райла).

7. В качестве основной цели формирования *эволюционного ряда и эволюционных цепей* философского концепта можно определить выявление основных ядерных элементов, в контексте которых этот концепт рассматривается (развивается) а также обнаружение новых смыслов, развивающих смысловое пространство концепта.

8. Введение представлений об эволюционных рядах философских концептов снимает вопрос о субъективности и объективности философских практик, ибо формирование эволюционных рядов всегда субъективная процедура, объективная ценность которой заключается в обнаружении нового смысла, связанного с соответствующим концептом.

К перспективным направлениям будущих исследований, посвященных эволюции философских концептов, следует отнести изучение вопроса о способе построения пространства смыслов философского концепта, о его когнитивных возможностях.

Литература

1. Богатая Л.Н. Концепт: возрождение через возвращение // Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету імені Г.С.Сковороди. Серія „Філософія”. – Вип.20. – Харків: ХНПУ, 2006. – С. 36-43.
2. Богатая Л.Н. Концепт и близлежащие категории: смысл, событие, хаос // Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету імені Г.С.Сковороди. Серія „Філософія”. – Вип.22. – Харків: ХНПУ, 2006. – С. 36-43.
3. Богатая Л.Н. К переосмыслению пространства // Філософські науки. – Суми: СумДПУ ім. А.С.Макаренка, 2006. – С. 109-114.
4. Богатая Л.Н. Смыслооперационные практики // Науковий вісник Чернівецького університету. Серія „Філософія”. – Вип. 309-310. – Чернівці, 2006. – С.81-84.
5. Масалова С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от античности до Нового времени. Монография. / Отв. ред. Е.Е. Несмеянов. – Ростов-н/Д: РГПУ, 2006.

6. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация „Логос”, 1996. – 400 с.
7. Степанов Ю.С. Семиотика концептов // Семиотика: Антология /Сост. Ю.С.Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.

І.Б.Починюк

ПРОБЛЕМА НАУКОВОЇ ЛЕГІТИМАЦІЇ ГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ

В статті розглядаються особливості легітимації гуманітарного знання, її зв'язок із внутрішніми потребами і логікою розвитку гуманітарних наук, а також із загальною тенденцією гуманітаризації науки і освіти. Розкривається відмінність між гуманітарним і природничонауковим знанням.

Утвердження науковості знання, як відомо, передбачає його легітимацію (від лат. *legitimus* – законний, узаконений), тобто, визнання його відповідності епістемним стандартам. Зазвичай це досягається за допомогою прийнятих в науці процедур обґрунтування. Доведення логічної несуперечливості знання, експлікація його пояснювально-передбачувального потенціалу і практична верифікація забезпечують “прозорість” наукової істини, її доконечність і всезагальність. Проте стосовно гуманітарного знання, то його “стандартне” обґрунтування є обмежене внаслідок ціннісно-сислової та інтерпретаційної природи цього знання. Це спричинює перманентні сумніви в його самодостатності, науковості та легітимності. “Про те, що визнання статусу науки за дослідженнями в галузі історії, соціального світу і художньої культури не є само собою фактом й нині, – зазначає М.Плотніков, – свідчать періодичні дискусії, що спалахують під гаслами “Навіщо історична наука?”, “Навіщо гуманітарні науки?”, “Навіщо філософія?” і т.ін. А в англomовному світі досі викликає сумнів словосполучення “human sciences”, в якості альтернативи якому пропонується більш невизначене “human studies” чи просто “humanities” [9, 129].

Актуалізація досліджень проблем конституювання і утвердження науковості гуманітарного знання зумовлюється як внутрішніми потребами гуманітарних наук у розробці їх методології, так і загальними тенденціями гуманітаризації науки та освіти, становлення неklasичної наукової раціональності та сучасної картини світу. Їх важливість розкривається також в контексті практичних проблем подолання соціального відчуження, діалогу культур та здійснення гуманітарних експертиз програм соціально-економічних